

Автор Лидия ЩЕРБАКОВА

Ангел

Раз устав от вечного аврала,
Я включаю телевизор, вижу
Сериал по первому каналу
О моей незавершенной жизни.
Все мои падения и взлеты
Строго там на серии разбиты,
Мелочи пропущены, а что-то
Подано с особым аппетитом.

Всё, за что теперь мне стало стыдно,
И то, за что гордость распирает,
Так пикантно, явно, неприкрыто
Будто кто-то за меня играет.
В чем-то боевик, а в чем-то триллер,
В молодости больше мелодрама,
Но вдали всё время вижу крылья
Ангела на фоне панорамы.

Он в сюжете плотно был завязан
Весь сценарий с самого начала,
А как дело подошло к развязке,
Вдруг пропал, и я кричу из зала:
«Сильною была, ты был со мной,
А когда ослабла, ты оставил.
Битвы позади, но, ангел мой,
С возрастом идут бои без правил.

Почему же нет тебя сейчас,
Когда нужен так попутный ветер?»
И, невидимый для моих глаз,
Ангел мне из-за спины ответил:
«Берегу теперь тебя вдвойне
Хоть держать труднее над обрывом,
Приглядись, я на твоей спине -
Чтобы обуздать твои порывы».

Добрый вечер

Не задался день с утра, как видно,
И после обеда был не легче,
Прихожу домой, а телевизор
Говорит с издевкой: «Добрый вечер».
Фура повредила бок машины,
На замену два крыла, две двери.
Зеркало свезло, порвало шину,
Что же за денёк? Кругом потери.

В новостях опять одни расстройства,
Экстремисты вновь грозят терактом,
Где-то там цунами на Востоке,
В море - сомалийские пираты.
В Астрахани заболела мама,
Бросить все б, согреть её заботой,
Чтоб доставить радости хоть малость,
Но нельзя: хозяйство, дом, работа.

Счет от ЖКХ секретным шифром
Платежи опять почти утроил,
В пункте «Капремонт» такие цифры,
Можно было б новый дом построить.
Ну и чем же этот вечер добрый?
Пылесос сгорел, продуло спину.
Ну, а тот, который всё же дорог,
Отдыхает где-то на чужбине.

Всё ж звоню ему, автоответчик,
Пряча в бархат голоса измену,
Томно произносит: «Добрый вечер,
Я перезвоню вам непременно».
Вижу в почте, пишет дочь: «Скучаю,
Мама, так хочу к тебе прижаться».
И тотчас, забрав с собой печали,
Из груди на пол сползает жаба.
И уже закат бровей не хмурит,
Нехотя поняв, что он не вечен.
Машинально на клавиатуре
Пальцы набирают «Добрый вечер».

Любовь в ломбарде

Заложили любовь в ломбард,
Получив за неё лишь малость.
Не сказать, что настал разлад,
Просто средств на жизнь не хватало.
Порешили: пусть отдохнёт.
Есть проблемы и поважнее.
А наступит её черёд,
Вот тогда и займёмся ею.
Так и сдали за медный грош,
Тот, где вместо орла две решки.
И пустились в загул, кутёж
С развлечениями вперемежку.
Среди роскоши пыльных груд
Она чахнет и каменеет,
Всё надеясь, что подберут;
Ну, а выкупить всё сложнее.
Смотрит брошенной сиротой,
Ждёт: объявятся мама, папа,
Заберут её вновь домой
Из казённого интерната.
У двоих тех жизнь бьёт ключом,
Сытый стол, круглый счёт на карте,
Каждый буднично увлечён
Суею, лишь любовь в ломбарде.
Старый опытный антиквар
Её выкупил, не торгуясь.
Он то знал, за такой товар
Позже цену дадут любую.
Но с любовью прожив три дня,
Бросил прибыль и состояние,
Все караты свои сменяв
На тепло от её дыхания.
Ну, а кто её сдал в ломбард,
Сами словно осиротели.
От свободы прошёл азарт,
Так живут с показным весельем.
Проходящая новизна,
Мимолётное буйство страсти
И тройная стала цена
За процент от бывшего счастья.
Антиквар же живёт теперь
С ощущением новых красок;
Только лишь бы прожить успеть
Все накопленные запасы.
Даже если предложат Вам
Эфемерные миллиарды,
Не позарьтесь на этот хлам.
Не несите любовь в ломбарды.

Парик

Она стойкая, как из олова.
Нет, болезнь её не сразила.
И парик на лысую голову
Примеряет, собрав усилия.
Времена для неё не лучшие,
Дни тяжелые наступили,
Руки вялые, непослушные
После химиотерапии.

Смотрит в зеркало, губы в трещинах
Покрывает двойной помадой.
Ведь желанье остаться Женщиной
Заставляет забыть про слабость.
Часто так ходит врач не к каждому,
На дежурстве ловя моменты,
Молодой он, и ей всё кажется,
Что не только как к пациентке.

Он поддерживает её искренне,
Обнадеживает старательно,
Дескать, здесь у нас по статистике
Наилучшие показатели.
Она смотрит в глаза его синие,
Вновь мечтает и строит планы,
Снова хочется быть ей сильной,
Привлекательной и желанной.

Он уехал всего на неделю,
Как вернулся – к ней первым делом.
Лишь парик на пустой постели
Сохранил тепло её тела.
Тихим голосом без печали
Он как будто шептал с кровати:
«Ты прости, что не попрощалась,
И испортила показатели».

Правда

По бескрайним косогорам земли,
По полям, среди холмов и равнин
Пилигримы-правдолюбцы брели
И искали всюду Правду они.

И в хоромах, и среди ветхих лачуг,
Путь неблизкий был нещадно тернист.
Испытания не всем по плечу,
Лишь один из них был неумолим.

Изможден он был уже, еле жив,
Ноги стоптаны, клонило ко сну;
А когда дошел до самой глуши,
То увидел там калеку одну.

«Может быть, ты, странник, ищешь, меня?»
«Не тебя, старуха, Правду ищу».
И она, сухие губы кривя,
Посмотрела сквозь ехидный прищур:

«Вот как встретиться-то нам довелось».
Вся в морщинах, неопрятна, груба.
Шапка спутанных невымытых волос,
Липкий пот струится с низкого лба.

От увиденного сник Пилигрим,
Только скрыть свой ужас не было сил;
подавив в груди отчаянья крик,
Уходя, у Правды тихо спросил:

«О тебе что рассказать смогу им,
Тем, кто так и не добрался сюда?»
И услышал себе вслед пилигрим:
«Я красива, скажи, и молода».

Последний рейс из блокадного Севастополя

Кровожадно кружил в небе «мессер»,
Шел блокады девятый месяц,
Горе в город текло потоком,
Но держался еще Севастополь.
Ждали помощи с моря, с неба,
Но тонули подряд суда,
Отступала надежда немо,
И сжимала кольцом беда.
Лишь «Ташкент» предводитель эсминцев
Смог сквозь вражий огонь пробиться.
Сотни раненых с тихим стоном
Покидали на нем Севастополь.
Свой привычный маршрут урезав,
Выбирая кратчайший путь,
Вырывал он последним рейсом,
Чьи-то судьбы из вражьих пут.
Плыл «Ташкент», миноносец эскадры,
Оставлял Севастополь блокадный,
На корме под торпедным обстрелом
На полотнах девчонка сидела.
В рюкзаке только спички да мыло -
Это мама распределила.
Папа туго набил ей карманы
Папиросами разных марок.
Помнил он, как еще при белых
Папирос было не найти,
А курить и тогда хотелось,
В этот раз решил заpastись.
А на девочку, обессилив,
Смотрят раненые с носилок.
Свежий шрам под щетиной грубой.
«Закурить бы», – шепнули губы.
Хоть боялась отцовского гнева,
Папиросы рукой несмелой
Положила на грудь солдату
С кровоточащей раной рядом.
Было в жизни потом немало
У девчонки счастливых дат,
Все она их воспринимала
Благодарностью тех солдат.
Волны в бурю морскую скомкав,
Рвались бомбы и тут, и там,
Непрерывный фонтан осколков

Брызгал смертью по всем бортам.
Взрыв ворвался в семью расколом –
Мать, сестра, брат остались там,
Выжил только отец: осколок
В сантиметре от сердца встал.
Шёл «Ташкент», миноносец эскадры,
Покидал Севастополь блокадный,
На корме под немецким обстрелом
На полотнах девчонка сидела.
На полотнах была панорама,
А девчонкой была моя Мама.

